

ние квалификации умельцев постоянно ускорялось. Благодаря развитию рытья, декоративно-орнаментальных особенностей, техническому снабжению и технологическому мастерству, наблюдалось усовершенствование ремесленных отраслей и в ювелирном деле, и в занятии медников, а также в сфере гравировки. Изделия использовались и в быту, и в качестве боевого оружия. Следует заметить, что в Гяндже развивалась и художественная металлообработка.

Представленные исторические факты являются доказательством развития традиционных ремесленных отраслей и подтверждают важность научного исследования в данной сфере.

Источники и литература

1. *Зубов, П.* Картина Кавказского края / П. Зубов. – СПб., 1834 – 1835. – Т. IV. – С. 34.
2. Кавказский календарь на 1854 г. – Тифлис, 1853. – С. 338 – 341.
3. *Кулиева, Н.М.* О развитии художественной керамики в древней Гяндже / Н.М. Кулиева, Э.Л. Гасанов // Материалы Международной научно-практической конференции. Вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – Новосибирск, 2011. – С. 132 – 135.
4. *Azərbaycan etnoqrafiyası: 3 cildə, I cild.* – Bakı: Şərq-Qərb, 2007.
5. *Guliyeva, N.M.* Die traditionelle Gändschänischen Teppiche von Zeitraum der Aserbaidschanischen Gelehrten und Dichter Mirsä Schäfi Waseh als ethno-anthropologische

quelle (XIX Jahrhundert) / N.M. Guliyeva, E.L. Häsänov // European Applied Sciences (Europäische Fachhochschule). – 2014. – № 2. – S. 3 – 5.

6. *Hasanov, E.L.* Innovational ethnographic facts on investigation and teaching of some basic decorative – applied arts of Ganja of the XIX – XX centuries / E.L. Hasanov // Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 1st International Academic Conference. – Saint Louis, 2012. – P. 400 – 403.

7. *Hasanov, E.L.* Innovative results of ethno-archaeological researches in Ganja (On the basis of handicraft patterns) / E.L. Hasanov // Global Science and Innovation: Proceedings of the 1st International scientific conference. – Chicago, 2013. – V. 1. – P. 251 – 253.

8. *Häsänov, E.L.* Die Gändschänischen teppiche von XIX – XX Jahrhundert als geschichtliche – ethnographische quelle / E.L. Häsänov // European Science and Technology (Die Europäische Wissenschaft und die Technologien): 2nd International scientific conference. Bildungszentrum Rdk e. V. – Wiesbaden, 2012. – P. 26 – 27.

9. *Häsänov, E.L.* Ethno-anthropologische merkmale der Gändschänischen Teppiche von XIX-XX jahrhundert (auf die 220-jährige jubiläum der Aserbaidschanischen gelehrten und dichter gewidmet Mirsä Schäfi Waseh) / E.L. Häsänov // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 1. – V. 1. – P. 3 – 7.

10. *Həsənov, E.L.* Gəncə İmamzadə türbəsi (tarixi-etnoqrafik tədqiqat) / E.L. Həsənov. – Bakı: Elm və təhsil, 2012.

11. The dawn of Art. – Leningrad: Aurora Art Publishers, 1974.

УДК 908(470)

И.В. Зыкин

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор В.М. Кириллов

ОПЛАТА ТРУДА В ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1930-Х ГОДАХ

В статье рассматриваются политика Советского государства, хозяйственных организаций в сфере оплаты труда в лесопромышленном комплексе Уральского региона в 1930-х гг., период активного развития отрасли, динамика средних показателей заработной платы, окладов работников. Сделаны выводы о несоответствии уровня оплаты труда и роли лесопромышленного комплекса в экономики страны, официальных сведений о заработной плате и получаемых работниками на руки денежных сумм.

Лесопромышленный комплекс, Уральский регион, индустриализация, оплата труда, оклады, «вольнонаемные», спецпоселенцы.

The article considers the policy of the Soviet state, the economic organizations in the sphere of remuneration in timber processing complex of the Ural region in 1930^{ies}, the period of active development of branch, and the dynamics of average salaries of workers. The author concluded that the level of remuneration does not correspond to the role of timber processing complex in national economies, official data on the salary and the sum of money received by workers.

Timber processing complex, Ural region, industrialization, compensation, salary, "civilians", special immigrants.

В конце 1920-х – 1930-х гг. важную роль в развитии лесопромышленного комплекса Советского Союза сыграли индустриализационные преобразования. Одним из наиболее интенсивно развивавшихся в этот период лесопромышленных комплексов

стал Уральский регион. Продукция предприятий комплекса имела для Советского Союза стратегическое значение (экспортные поставки за границу и потребителям внутри страны для обеспечения по-

ступления средств и осуществления индустриализации).

В 1932 г. численность рабочих, трудившихся на предприятиях лесопромышленного комплекса Уральской области, составляла 320,7 тыс. чел. «Постоянных» рабочих имелось только 38,8 тыс. чел., остальные – в основном спецпереселенцы – сезонные рабочие [19, с. 95, 107, 108, 114]. К концу 1930-х гг. численность рабочих, занятых на предприятиях, подведомственных Народному комиссариату лесной промышленности СССР, снизилась. Это было связано с передачей ряда предприятий исправительно-трудовым лагерям, другим ведомствам, механизацией, позволявшей высвободить рабочую силу. В конце декабря 1938 г. на лесозаготовительных предприятиях «Главвостлеса» (главка Народного комиссариата лесной промышленности СССР) трудилось 35,7 тыс. рабочих, в том числе 12,2 тыс. – «постоянных» [22, л. 45]. На протяжении 1930-х гг. наибольшую долю в производственных коллективах предприятий лесопромышленного комплекса составляли спецпереселенцы, меньшую – «вольнонаемные» рабочие.

Важным средством привлечения населения на работу является оплата труда. Политика Советского государства в сфере оплаты труда в отношении разных групп работников имела свои особенности. Как отмечал А.А. Ильяхов, «с середины 1920-х гг. активно проводилась политика выравнивания зарплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих». «Однако в начале 1930-х гг. наметилась линия на увеличение разрыва в оплате высоко- и низкоквалифицированных рабочих. Для этого началась борьба с уравнительностью в оплате труда, обеспечивалась более высокая оплата на так называемых «ведущих производствах», вводилась сдельная оплата, осуществлялась экономия зарплаты» [16, с. 124, 213].

За 1928 – 1932 гг. средняя заработная плата рабочих лесопильных заводов Уральского региона увеличилась с 56 до 96 руб. в месяц, целлюлозно-бумажных предприятий – с 47 до 74 руб. [19, с. 169] (здесь заработки рабочих были ниже, чем в среднем по промышленности региона, оплата труда была меньше только на текстильных предприятиях). За 1930 – 1935 гг. средняя заработная плата инженерно-технических работников крупной промышленности Уральского региона увеличилась с 215 до 466 руб. в месяц, к 1939 гг. – до 661 руб. Темпы роста средней заработной платы рабочих крупной промышленности Уральского региона были выше: за 1930 – 1935 гг. – с 49 до 184 руб., к 1939 гг. до 353 руб. [24, с. 146]. Среднемесячная заработная плата рабочих предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины по Советскому Союзу увеличилась за 1937 – 1940 гг. с 200 до 283 руб., отставая от темпов роста заработной платы в горнодобывающем, металлургическом, химическом комплексах на 25 – 35 % [18, с. 79].

Судить о повышении уровня жизни населения по

данным о средней начисленной заработной плате затруднительно. Работники поощрялись премиями; ударники, стахановцы, рационализаторы, как правило, имели более высокие заработки. Необходимо обратиться к лицевым счетам по начислению заработной платы. В них содержатся сведения о начисленной и выданной на руки работникам заработной платы, что позволяет выяснить причины отчислений части денежных средств из заработной платы. С.П. Постников и М.А. Фельдман указывали, что неправомерно причислять к реальной заработной плате рабочих стоимость бесплатно предоставляемого помещения, бесплатного отопления, освещения, канализации, расходов на содержание фабрично-заводских училищ, санаториев, детских садов и яслей. Благодаря этому официальные органы завышали величину заработной платы в среднем на 30 % [18, с. 64]. Помимо этого, денежные займовые изъятия поглощали 12 – 16 % годового дохода рабочих [19, с. 179].

Рассмотрим на конкретных примерах особенности динамики заработной платы в лесопромышленном комплексе Уральского региона, обратившись к данным о средней (планируемой и фактической) и начисленной заработной плате, окладах работников. Средняя начисленная заработная плата разных категорий работников строительства Сосвинского деревообрабатывающего комбината (269 чел.) в четвертом квартале 1933 г. (124 руб. в месяц [Подсчитано по: 3, л. 78]) была примерно такой же, как и по предприятиям Наркомлеса СССР, управления транспортного машиностроения и выше, чем по предприятиям «Союзлесдрева» в четвертом квартале 1934 г. [Подсчитано по: 20, л. 6, 7]. С учетом отчислений на школьное строительство, содержание стройкома, культурные нужды, детские ясли, ученичество, оказание медицинской помощи, аренду столовых и распределителей, содержание бани и прачечных реальная заработная плата была на 15,65 % меньше [3, л. 2].

За 1933 – 1938 гг. заработная плата работников предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона увеличилась в среднем в полтора-два раза. В 1938 г. работник строительства Сосвинского деревообрабатывающего комбината (420 чел.) получал в среднем на 175 % заработной платы больше, чем 1933 г., инженерно-технический работник – на 210 %, служащий – на 151 %, рабочий – на 175 %, работник младшего обслуживающего персонала – на 173 % [Подсчитано по: 5, л. 26 – 26 об.]. Очевиден более быстрый рост заработной платы инженерно-технических работников, их средний заработок увеличился в денежном выражении на 294 руб. Данный факт можно связать с завершением основных строительно-монтажных работ на комбинате, подготовке цехов к вводу в эксплуатацию. У служащих и рабочих рост заработной платы существенно отставал и за пять лет увеличился на 92 и 89 руб. соответственно.

Средняя заработная плата рабочих Черноярского лесопильного завода (220 чел.) в 1940 г. была выше, чем на предприятиях по механической обработке и глубокой переработке древесины по СССР, но ниже, чем в крупной промышленности Уральского региона. Работник с окладом в 200 руб. мог заработать 300 – 400 руб. за счет перевыполнения норм, премий, выполнения дополнительных работ, нарядов и т.д. Однако вычеты из начисленной заработной платы в среднем составляли 45 – 50 %. Среднемесячная выплаченная заработная плата по Черноярскому лесопильному заводу в мае – июне 1940 г. у рабочего составила 126 руб., у инженерно-технического работника – 438 руб., у служащего – 212 руб., у работника младшего обслуживающего персонала – 77 руб., в среднем у работника – 142 руб. [Подсчитано по: 7; 8]. Такое состояние дел в сфере оплаты труда не стимулировало труд работников, увеличивало текучесть. К тому же, чем выше была зарплата, тем больше был процент отчислений, поэтому перевыполнение норм, разные подработки если и увеличивали месячный заработок, то незначительно.

В 1930-х гг. в полной мере проявились различия в оплате труда разных отраслей, предприятий, категорий работников. Данное несоответствие – результат политики государства в сфере оплаты труда, расстановки приоритетов по отраслям, отдельным институтам и предприятиям. Так, заработная плата работников Камского целлюлозно-бумажного комбината, крупнейшего в отрасли, была во второй половине 1930-х гг. одной из наиболее высоких в лесопромышленном комплексе Уральского региона. Что интересно, на Сосьвинском деревообрабатывающем комбинате, подведомственном Уральскому вагоностроительному заводу и находившемся в более суровых природно-климатических, сложных организационно-экономических условиях, на одного работника приходилось меньше средств фонда заработной платы (и это при постоянном его перерасходе), чем на Камском комбинате. Еще больше была месячная заработная плата работников Краснокамской бумажной фабрики «Гознак», специализировавшейся на выпуске высококачественной бумаги [Подсчитано по: 12, л. 128 об.], – в среднем на 15 – 30 % выше, чем на Камском целлюлозно-бумажном комбинате. В леспромпхозах заработок всех категорий работников на протяжении 1930-х гг. был меньше на 25 – 35 %, по сравнению с предприятиями по механической обработке и глубокой переработке древесины [11, л. 62 – 63].

В 1932 – 1934 гг. была проведена тарифная реформа, в результате которой устанавливались тарифные сетки, согласно которым, рабочим, в зависимости от их квалификации, присваивались разряды, вводилась премиально-прогрессивная система и неограниченная сдельщина [16, л. 217]. К примеру, на Камском целлюлозно-бумажном комбинате для рабочих строительства и металлостроителей в 1934 г. была

установлена шестиступенчатая тарифная сетка. Металлист-сдельщик первого разряда имел заработок 86 руб., шестого – 276 руб. Оплата труда рабочих-повременщиков равнялась примерно 60 % от заработной платы сдельщиков [9, л. 79]. Градацией разрядов руководство предприятий мотивировало рабочих на повышение квалификации, эффективности труда. Разница в оплате труда рабочих разных разрядов была существенной.

Заработная плата работников, в которых предприятия остро нуждались и которых вербовали по всему Советскому Союзу, была выше, чем по смете. Например, в 1932 г. специалисты, прибывавшие на Сосьвинский деревообрабатывающий комбинат, получали подъемные (полтора оклада) и не оплачивали коммунальные услуги. Таких «привилегированных» специалистов в управлении строительства было пять человек: начальник строительства и его заместитель, главный инженер и его заместитель, главный бухгалтер [2, л. 35], [3, л. 20]. В 1933 г. архитектору, приехавшему из Москвы на строительство Камского целлюлозно-бумажного комбината, было выплачено 2000 руб. подъемных, оклад был установлен в размере 1000 руб. ежемесячно [2, л. 74]. Иностранному специалисту Камского комбината возвращались подоходный, культурный налоги, плата за обучение детей в школе, компенсировались расходы на поездки в Пермь за получением продуктов из Инсбаба [3, л. 157].

В течение 1932 – 1940 гг. оплата труда одних категорий работников увеличилась существенно, других – не изменилась или изменилась незначительно, как в положительную, так и в отрицательную стороны. Руководитель предприятия назначал оклады в пределах установленных норм, но мог их изменять в зависимости от качества и производительности труда, квалификации, стажа работы, прохождения испытательного срока, нарушений трудовой дисциплины и производственного процесса, степени близости работника к руководству предприятия, приоритетности того или иного объекта на разных этапах строительства и функционирования предприятия. Для назначения окладов работникам одной должности, занятым в разных подразделениях, применялись прилагательные «старший», «младший» (см. таблицу). Заработная плата таких работников различалась, и порой – существенно. Практиковалось совмещение должностей, что позволяло сэкономить на оплате труда.

Что касается спецпереселенцев, занятых в лесопромышленном комплексе, то в первой половине 1930-х гг. государство и ОГПУ-НКВД стремились выровнять уровень занятости и заработной платы спецпереселенцев и «вольнонаемных» рабочих. С августа 1931 г. до февраля 1932 г. отчисления из заработной платы спецпереселенцев составляли 15 % (до этого 25 %), потом сократились до 5 %, а в конце 1930-х гг. вновь увеличились до 10 % [23, с. 34]. За-

рабочная плата спецпереселенцев была уравнена с заработной платой «вольных» рабочих и стала определяться не только выполнением производственных заданий, но и индустриальной важностью промышленных предприятий [17, с. 92 – 93]. Во второй половине 1930-х гг. политика государства и отраслевых наркоматов была направлена на привлечение трудпоселенцев к участию в различных формах социалистического соревнования, в рационализаторском движении. К примеру, на Верхотурском лесопильном заводе заработная плата в период с января 1935 г. по июль 1936 г. у рамщиков-стахановцев из числа трудпоселенцев увеличилась в среднем с 180 до 500 руб., у грузчиков – с 230 до 420 руб. [1, л. 4].

Данные о заработной плате работников лесопромышленного комплекса Уральского региона не будут полными, если не привести сведения о задолженности по зарплате. Данное явление в разных масштабах имело место на протяжении 1930-х гг. Например, на 1 августа 1930 г. задолженность по зарплате по тресту «Ураллес» составляла 1,4 млн. руб. [13, л. 78]. К концу 1931 г. задолженность по зарплате по трестам «Ураллеспрома» только рабочим-лесорубам достигла внушительной суммы – 10 млн. руб. [14, л. 2]. В дальнейшем уровень задолженности заработной платы снижался, но незначи-

тельными темпами. На 1 ноября 1934 г. задолженность по заработной плате трудпоселенцам по тресту «Свердлес» составляла 435 тыс. руб., «Западолес» – 336 тыс. руб., «Камлесосплав» – 113 тыс. руб., в том числе за прошлые годы [15, с. 752]. На начало апреля 1938 г. задолженность по заработной плате по тресту «Камлесосплав» составляла 320 тыс. руб. [21, л. 7].

Таким образом, политика государства, наркоматов, главков и трестов лесопромышленного комплекса в сфере оплаты труда была противоречивой. Приоритет, который отводился отрасли в деле обеспечения страны продукцией механической обработки и глубокой переработки древесины, экспорта лесоматериалов для получения валюты, не компенсировался средствами, выделявшимися на оплату труда работников, которая оставалась на протяжении 1930-х гг. невысокой, по сравнению с другими отраслями промышленности. Несмотря на официальную статистику, свидетельствовавшую о повышении заработной платы, реально работники недополучали от 30 до 50 % заработанных денег по причинам отчислений на разные виды жилищно-коммунального, социального обслуживания, займы. По сути, политика в сфере оплаты труда не достигла своей главной цели – стимулирования трудовой деятельности, не играла своей важной роли в повышении эффективности труда.

Таблица

**Среднемесячная начисленная заработная плата
в лесопромышленном комплексе Уральского региона в 1933 – 1940 гг. (руб.)**

Год	Предприятие, организация	Инженерно-технические работники	Служащие	Рабочие	Младший обслуживающий персонал	Средняя заработная плата
1933	Строительство Сосьвинского деревообрабатывающего комбината (план)	265	178	118	67	124
1934	Предприятия Народного комиссариата лесной промышленности СССР (план)	299	178	121	89	127
1937	Камский целлюлозно-бумажный комбинат (план)	607	309	241	110	250
1938	Строительство Сосьвинского деревообрабатывающего комбината (факт)	559	270	207	116	218
1940	Предприятия Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности СССР (основное производство) (план)	637	333	294	149	316
	Краснокамская бумажная фабрика (факт)	883	539	390	290	429
	Черноярский лесопильный завод (факт)	667	342	273	157	283
	Новолялинский леспромхоз (план)	508	225	195	113	211

Составлено по: [2, л. 78], [4, л. 25], [5, л. 26 – 26 об.], [6, л. 16], [7], [8], [10, л. 106], [11, л. 54 – 55, 61, 62 – 63], [12, л. 128 об.], [21, л. 6, 7].

Источники и литература

1. Архивный отдел администрации городского округа Верхотурский. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 18.
2. Архивный отдел администрации Серовского городского округа (АОАСГО). – Ф. р-325. – Оп. 1. – Д. 1.
3. АОАСГО. – Ф. р-325. – Оп. 1. – Д. 2.
4. АОАСГО. – Ф. р-325. – Оп. 1. – Д. 8.
5. АОАСГО. – Ф. р-325. – Оп. 1. – Д. 10.
6. АОАСГО. – Ф. р-325. – Оп. 1. – Д. 13.
7. АОАСГО. – Ф. р-482. – Оп. 3-л. – Д. 2.
8. АОАСГО. – Ф. р-482. – Оп. 3-л. – Д. 3.
9. Государственный архив Пермского края (ГАПК). – Ф. р-1086. – Оп. 1. – Д. 2.
10. ГАПК. – Ф. р-1086. – Оп. 1. – Д. 6.
11. ГАПК. – Ф. р-1086. – Оп. 1. – Д. 9.
12. ГАПК. – Ф. р-1541. – Оп. 1. – Д. 7.
13. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. р-1517. – Оп. 1. – Д. 8.
14. ГАСО. – Ф. р-1518. – Оп. 1. – Д. 3.
15. Докладная записка УНКВД по Свердловской области наркомому внутренних дел СССР Г.Г. Ягоде о работе «по освоению спецссылки» в лесной промышленности области. 15 ноября 1934 г. // Политбюро и крестьянство : высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2 / отв.

ред. Н.Н. Покровский, В.П. Данилов, С.А. Красильников, Л. Виола. – М., 2006. – С. 748 – 754.

16. *Ильухов, А.А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917 – 1941 гг. / А.А. Ильухов. – М., 2010.

17. *Осокина, Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 – 1941 / Е.А. Осокина. – М., 1999.

18. *Постников, С.П.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900 – 1941 гг. / С.П. Постников, М.А. Фельдман. – М., 2009.

19. *Постников, С.П.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.) / С.П. Постников, М.А. Фельдман. – Екатеринбург, 2006.

20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 7637. – Оп. 1. – Д. 5.

21. РГАЭ. – Ф. 7637. – Оп. 1. – Д. 86.

22. РГАЭ. – Ф. 7637. – Оп. 1. – Д. 137.

23. *Суслов, А.Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929 – 1953 гг.) / А.Б. Суслов. – М., 2010.

24. *Терехов, В.С.* Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации / В.С. Терехов. – Екатеринбург, 2003.

УДК 37.07

Е.А. Калинина

УЕЗДНЫЕ УЧИЛИЩА ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В СИСТЕМЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье на основе опубликованных и архивных источниках рассматривается история создания уездных училищ в Олонецкой губернии в первой половине XIX в., которые являлись частью образовательного пространства губернского и уездного городов и играли значительную роль в провинциальной жизни. Однако при их организации встретились трудноразрешимые проблемы.

Народное просвещение, уездные училища, смотритель училищ, учитель, ученик.

The paper considers the history of creation of the district schools in Olonets province in the first half of the XIXth that considered to be the part of educational environment of the provincial towns and played an important role in provincial life.

National education, district schools, college supervisor, pupil, lecturer.

«Предварительные правила народного просвещения» (1803 г.) разрешали устройство и организацию уездных училищ в провинциальных городах страны: «В каждом уездном городе должно быть, по крайней мере, одно уездное училище» [13, с. 438]. «Устав учебных заведений, подведомых Университетам» 1804 г. определял цель этих школ как подготовку юношества для поступления в гимназии, и возможность детям «различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их промышленности» [18, с. 636]. В уездные училища с двухгодичным сроком обучения принимались «всякого звания ученики из училищ приходских» [18, с. 637]. При поступлении необходимо было предоставить аттестат об окончании приходской школы. Если же ребенок обучался дома или в пансионе, то он подвергался

вступительным испытаниям на знание письма, счета и чтения. Таким образом, эти школы являлись продолжением приходского училища и служили подготовительными заведениями для гимназии.

В начале XIX в. формирование уездных училищ проходило на базе уже существующих в то время Главных и Малых народных училищ в губернских и уездных городах. Правительство предполагало открыть в стране 405 таких школ. Их преобразование происходило постепенно и продолжалось в течение всей первой половины XIX в.: в 1808 г. в 486 уездных городах России имелось 126 школ в них обучалось 12 839 учащихся [6, с. 189], а в 1855 г. – уже 439 училищ (27 309 учеников) [15, с. 54 – 75]. Следует обратить внимание, что даже к середине XIX в. далеко не во всех уездах страны были открыты такие